

Понятие и признаки вещных прав

Р. А. Рябзин

кандидат юридических наук,
судья Верховного Суда Российской Федерации.
Адрес: Верховный Суд Российской Федерации,
121260, Москва, Поварская ул., д. 15, стр. 1.
E-mail: rodinzonrom@mail.ru

The Concept and Characteristics of Property Rights

R. A. Ryabzin

PhD in Law, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation.
Address: Supreme Court of the Russian Federation,
Build. 1, 15 Povarskaya Str., Moscow, 121260, Russian Federation.
E-mail: rodinzonrom@mail.ru

Поступила 11.02.2025 Принята к печати 25.02.2025

Аннотация

В статье анализируются признаки вещных прав с позиции отграничения вещных от иных прав (в системе имущественных прав). На основе проведенного исследования признаков вещных прав мы можем сформулировать следующее теоретическое определение и сопутствующие ему выводы. Вещное право представляет собой наиболее полное субъективное право, обременяющее индивидуализированную вещь в пределах, установленных в законе. Отличительными признаками вещных прав, позволяющими их отграничить от иных (в том числе обязательственных) прав, являются следующие: юридическая прочность и сопутствующее ей свойство следования, абсолютность, бессрочность (которую следует отличать от неопределенного срока в обязательственных отношениях). Перечисленные признаки не раскрывают природу вещных прав, они достаточны лишь для отграничения вещных прав от иных имущественных прав. При этом в отрыве друг от друга названные признаки утрачивают свои отличительные качества (поскольку свойственны также иным имущественным правам) и квалифицируют право в качестве вещного только в их совокупности (единстве). Учитывая собирательное значение понятия вещных прав (которое объединяет право собственности и так называемые иные вещные права), сформулированные признаки должны уточняться с учетом особенностей каждого варианта иного вещного права.

Ключевые слова: понятие вещного права, признаки вещных прав, объект вещного права, право собственности, иные вещные права, субъективность вещных прав, абсолютность, юридическая прочность, право следования, бессрочность.

Abstract

The article analyzes the signs of property rights from the perspective of distinguishing property rights from other rights (in the system of property rights). Based on the conducted research on the signs of property rights, we can formulate the following theoretical definition and its accompanying conclusions. Property law is the most complete subjective right that encumbers an individualized thing within the limits established by law. The distinguishing features of property rights that allow them to be distinguished from other (including binding) rights are the following: legal strength and the accompanying property of following, absoluteness, and perpetuity (which should be distinguished from an indefinite period in a binding relationship). These signs do not reveal the nature of property rights, they are sufficient only to distinguish property rights from other property rights. Moreover, in isolation from each other, these signs lose their distinctive qualities (since they are also characteristic of other property rights) and qualify the right as real only in their totality (unity). Taking into account the collective meaning of the concept of property rights (which unites property rights and "other property rights"), the features formulated by us should be clarified taking into account the specifics of each "other property right".

Keywords: the concept of property law, signs of property rights, object of property law, property rights, other property rights, subjectivity of property rights, absoluteness, legal strength, right of succession, perpetuity.

Отнесение вещных прав к имущественным правам в научной доктрине не вызывает сомнений, вместе с тем сама по себе правовая категория «вещные права» является собирательным понятием, поэтому для нас их исследование представляет интерес с позиции анализа их признаков и содержания.

Отметим, что доктринальный интерес к данным аспектам вещного права не ослабевает. Это во многом обусловлено отсутствием определения базовых понятий, а также несовершенством существующей системы вещных прав¹ – в настоящее время термин «вещные права» используется законодателем преимущественно в связке с правом собственности: в ряде статей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) говорится о «праве собственности и других вещных правах» (к примеру, в ст. 2, ст. 131 ГК РФ, в названиях Раздела II и глав 17, 17.1, 18 ГК РФ). При этом до настоящего времени не существует общепризнанного теоретического определения понятия «вещные права», а также наблюдаются разногласия в перечислении его отличительных признаков². Решение данной теоретической проблемы имеет большое значение, ведь четко сформулированные признаки, присущие только вещным правам, позволят отграничить их от традиционно противопоставляемых вещным правам обязательственных прав, связанных с владением и пользованием лицом чужим имуществом³. Такие признаки не закреплены в отечественном законодательстве, но именно на основе его положений в доктрине в той или иной совокупности к ним относят следующие.

¹ Н. В. Шереметьева отмечает: «В настоящее время нормативное регулирование вещного права находится в состоянии становления. Причиной его несформированности являются различные экономические, социальные и политические преобразования, которые изменяли гражданский оборот и гражданские правоотношения, в рамках которых отдельные права подвергались игнорированию, а другие, наоборот, ставились во главу угла» [30].

² В то же время, как верно отмечается в правовой литературе, для понятия вещного права «необходимо выделить признаки, присущие каждому вещному праву без исключения» [27. – С. 47].

³ Деление гражданских правоотношений на обязательственные и вещные не подвергается в настоящее время концептуальной критике, однако в доктрине были высказаны сомнения в необходимости и практическом значении такого деления (см., например: Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М. : Проспект, 1998. – Ч. 1. – С. 335 (автор главы – Ю. К. Толстой)).

Одним из этих признаков является субъективность вещного права. Он раскрывается учеными через принадлежность такого права лицу, осуществляющему господство над вещью⁴ – указанная трактовка названного признака основана на классической позиции, в соответствии с которой вещное право представляет собой господство над вещью [26. – С. 23]. Как справедливо подчеркивает Е. А. Суханов, «вещные права предоставляют либо полное (право собственности), либо частичное (ограниченные вещные права) господство над вещью» [24]. Примечательно, что классическое представление о вещном праве в научной доктрине подвергается сомнению. В частности, А. А. Леонова не согласна «с мыслью о том, что само по себе право собственности (равно как и любое другое вещное право) дает возможность воздействовать на вещь ... каким бы то ни было способом (в том числе осуществлять правомочия)» [15]⁵. Свою позицию она аргументирует статичностью вещных отношений⁶. О статичности вещных правоотношений упоминают также В. Ф. Яковлев [31], Е. А. Суханов⁷, Н. В. Шереметьева [30], М. В. Крушевская [14] и многие другие авторы. Г. С. Демидова, говоря о том, что вещные права регулируют статику имущественных отношений, особо подчеркивает, что вещное право не оформляет перехода благ между субъектами, а устанавливает принадлежность вещей [10].

⁴ Так, Н. С. Потапенко разъяснил признак субъективности вещного права таким образом: право принадлежит только тому лицу, который осуществляет господство над вещью, проявляя исключительно свою волю в воздействии на материальный объект. В этом проявляется связь между материальным объектом и носителем права, следовательно, вещное право обладает теми же признаками, что и имеющаяся связь лица с вещью [18. – С. 32].

⁵ Отметим, что схожие выводы уже были озвучены в дореволюционной доктрине. Например, мы читаем у Ю. С. Гамбарова: «Вещное право может быть правом только при отношении лица к лицу, поскольку юридические отношения между нами и вещами немыслимы» [5].

⁶ «Статика, заложенная в вещных отношениях, носит абсолютный характер и представляет собой отношение одного лица к неограниченному множеству других. В то же время непосредственное воздействие на вещь относится не к самому вещному праву, а к действию, происходящему в реальном мире вещей. Мы можем лишь перевести фокус внимания с одной системы на другую» [15].

⁷ Российское гражданское право : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. – М. : Статут, 2011.

С такой позицией можно согласиться только при условии, что под статикой вещных прав и динамикой обязательственных правоотношений понимается отсутствие или наличие перехода благ между субъектами, – иными словами, эта градация уместна только в отношении гражданского оборота¹.

Мы считаем, что возникающие субъективные вещные права оформляют и закрепляют принадлежность вещей субъектам гражданских правоотношений – в этом заключается статистический элемент вещного права и вещного отношения (определение вещи, объем прав собственника, фиксация прав за определенным субъектом и т. д.). Однако в вещном праве он не единственный, в нем также присутствует и динамика – к примеру, в части пользования вещью. Содержание права собственности как основополагающего вещного права предполагает известную триаду правомочий собственника, одно из которых заключается в использовании имущества. В процессе реализации такого правомочия вещь подвергается воздействию и может принимать иные формы, обрести новые права и т. д. Она может быть утрачена или, наоборот, модернизирована. Кроме того, пользование вещью может затронуть права третьих лиц – не следует забывать один из установленных в законе пределов в осуществлении права собственности: реализация правомочий собственника не должна нарушать прав и законных интересов третьих лиц. Таким образом считаем, что вещное право нельзя сводить исключительно к статике, про статику вещных прав следует говорить применительно к закреплению состояния вещного права, его содержанию, принадлежности конкретному субъекту в определенный временной промежуток. Вместе с тем речь должна идти об их динамике при осуществлении вещных прав, причем независимо от того, отчуждается ли его объект или нет. Вместе с тем гражданский оборот нельзя сводить исключительно к динамике – его необходимо рассматривать как диалектическое единство статических и динамических элементов.

Возвращаясь к признаку субъективности вещного права, отметим, что, на наш взгляд, данный

признак является одним из основных, которые позволяют отличить вещные права от обязательственных прав, ведь он как нельзя кстати демонстрирует сущность и назначение вещных прав, весьма четко подмеченных еще А. В. Венедиктовым. По его словам, вещное право «юридически прочно» позволяет обеспечить экономическую необходимость участия одного лица в праве собственности другого², ведь, как известно, вещное право опосредует связь его носителя с самой вещью. Этим оно отличается от обязательственного права, в рамках которого воздействие оказывается не на объект права, а на субъект – на действие или бездействие носителя права. Вещные права определяются как права на имущество и в Концепции развития гражданского законодательства они «обременяют вещь (имущество), обеспечивают их обладателям господство над соответствующей вещью (имуществом) и следуют за вещью»³.

Из данного признака вытекает еще один, имеющий существенное значение с позиции обеспечения вещно-правового режима, – признак юридической прочности, суть которого заключается в следовании вещного права за вещью: обременяя вещь, такое право не зависит от смены собственника, вследствие чего новый собственник вынужден мириться с таким обременением и не вправе прекратить его. Иная ситуация складывается в обязательственных правоотношениях, в которых права кредитора распространяются не на вещь, а на поведение обязанного лица: в силу данного обстоятельства новый собственник вещи, не являвшийся обязанным лицом в прежнем обязательстве, по общему правилу вправе расторгнуть его в одностороннем порядке. Как справедливо отмечено в правовой доктрине, в такой стабильности вещного права, которое не зависит от воли третьих лиц и не изменяется со сменой его носителя, и состоит ценность вещного права. Н. Н. Аверченко указывает, что «ценность именно вещного права заключается в том, что оно более стабильно, т. к. не ставит отношение лица к вещи в зависимость от воли

¹ К. И. Скловский отмечал, что «дуализм гражданских прав иногда представляется как «статика и динамика», где статика отождествляется с собственностью, а под динамикой понимается обмен, оборот, т. е. договоры и вообще обязательства» [23].

² Более подробно см.: [25].

³ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2009. – № 11 (ноябрь).

постороннего лица, как это имеет место в обязательстве», а «переход права собственности на имущество к другому лицу не является основанием для прекращения иных вещных прав на это имущество (так называемое свойство следования). Другими словами, отчуждение имущества не ломает ограниченные вещные права на него»¹. При этом, по мнению А. О. Рыбалова, право следования, признаваемое традиционно одним из ключевых признаков вещных прав, «вытекает из осознания политико-правовой необходимости отнести соответствующее право к категории вещных» [21].

К интересным для нас выводам пришел в процессе своего исследования В. А. Алексеев. По его мнению, право следования следует рассматривать не как признак или основание отнесения того или иного права к вещным правам, а в качестве первичного основания придания праву определенного правового режима. Иными словами, В. А. Алексеев считает, что первичным является стремление законодателя придать праву определенную прочность и наделить его свойством следования. Именно на этом утверждении автор строит свои дальнейшие рассуждения о том, что «для законодателя и участников отношений неважно, названо право вещным в законе или нет, если оно снабжено соответствующим правовым режимом» [2].

Безусловно, если следовать такой логике, то дискуссия о критериях деления прав на вещные и обязательственные теряет всякий смысл, что стало бы решением доктринальной дискуссии: при отнесении права к определенному правовому режиму законодатель должен просто для себя решить, следует ли наделять такое право свойствами прочности и следования с позиции баланса интересов и стабильности экономического оборота.

На наш взгляд, такой подход, при котором законодатель действует без учета и анализа иных существенных признаков, является шагом назад в развитии теоретических представлений о вещных правах, что приведет к стиранию границы между вещными и обязательственными правами и негативно отразится не только на научных наработках, поскольку смешение вещных и обязательственных начал в законодательстве может

привести к хаотичности правового регулирования общественных отношений. В решении данного вопроса считаем, что законодатель при признании того или иного права вещным должен исходить не просто из абстрактных размышлений о целесообразности придания ему особой юридической прочности – для признания права вещным представляется необходимым анализировать потенциальный объект права, содержание и характер субъективных прав. Сложившаяся к настоящему времени (не без недостатков, конечно) система вещных прав уже позволяет сформулировать ряд необходимых признаков, свойственных всем элементам такой системы, и при решении вопроса о включении в нее нового элемента данный факт игнорировать недопустимо, система просто разрушится. Поэтому полагаем, что юридическая прочность права и наделение его свойством следования является одним из неотъемлемых признаков вещного права, который и делает право вещным. Однако нельзя забывать и том, что право следования свойственно, к примеру, обязательственным правам², и это не позволяет рассматривать его в качестве единственного и достаточного критерия для отграничения вещных прав от обязательственных.

В научной литературе в качестве одного из основных признаков вещных прав называют долгосрочность отношений. Этот признак «придает новое качество отношениям собственника и третьих лиц, имеющих определенное господство над вещью собственника» [11]. В частности, А. Г. Диденко, обосновывая его как один из основных отличительных признаков, приводит в качестве примера права арендатора на землю по договору, заключенному сроком на 5 лет и 99 лет, и говорит не только о психологическом, но и юридическом различии: в последнем случае арендатор вправе передать такие права по наследству, заложить и иным образом распорядиться таким правом, что, по мнению А. Г. Диденко, дает возможность арендатору «ощущать себя почти собственником, а не обычным нанимателем» [11].

² Помимо прав, традиционно относимых к вещным, свойство следования присуще также, например, целому ряду обязательственных прав: праву пользования арендатора (ст. 617 ГК РФ); праву пользования нанимателя по договору жилищного найма (ст. 675 ГК РФ); праву пользования ссудополучателя (ст. 700 ГК РФ); праву доверительного управляющего (ст. 1024 ГК РФ) и др.

¹ Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева. – Т. 1. – С. 587–588 (автор главы – Н. Н. Аверченко).

На наш взгляд, на основе психологического состояния и представлений субъекта прав недопустимо разграничивать вещные и обязательственные права. Такие критерии носят личностный (субъективный), а следовательно, оценочный характер и не позволяют четко определить вещную или обязательственную природу права на вещь. Вместе с тем срок действия субъективного права (с позиции его признания одним из отличительных признаков вещного права) нельзя не принимать во внимание. Право собственности – один из столпов системы вещных прав – является бессрочным (право существует до тех пор, пока существует в материальном мире сама вещь), при этом данный признак свойственен также существующим к настоящему времени «иным вещным правам». Следует признать, что с неопределенным сроком действия существуют и некоторые обязательственные права, что также может поставить под сомнение уникальность данного критерия вещного права. Однако не стоит забывать, что в обязательственных правоотношениях срок прав определяется субъектами такого правоотношения (в отличие от установленной законодателем бессрочности вещного права), при этом прекращение обязательного права, установленного на неопределенный срок в обязательстве, не свидетельствует об утрате опосредующего его объекта.

В современном виде комплекс понятий о вещных правах оформился сначала в германской пандектистике, а затем и в европейском континентальном праве в целом и касается обеспечения прав на объект недвижимого имущества – в странах с ограниченным толкованием данной категории это земельные участки, в правовом порядке с расширенным толкованием категории недвижимости это и иные недвижимые объекты. Такой подход, на первый взгляд, представляется верным с точки зрения определения объекта вещного права. Однако мы не согласны с классическим, исторически сложившимся пониманием вещного права (в том числе в дореволюционной отечественной доктрине) как экономически обоснованной необходимости закрепления таких прав только в отношении земельных участков и других природных ресурсов (или же в целом объектов недвижимости). Учитывая их значение для жизнеобеспечения людей, следует, безусловно, согласиться с позицией Е. А. Суханова в том, что «все ограниченные вещные права (за исключением права залога) оформляют возможности ис-

пользования чужих земельных участков, т. е. объектов недвижимости (по германскому праву – единственного вида недвижимых вещей); для использования чужих движимых вещей они не требуются и не применяются» [25].

Однако не следует забывать, что основополагающее место в системе вещных прав занимает право собственности, но не ограниченные вещные права. А объектом права собственности в соответствии с действующим законодательством, как известно, является имущество – очень неоднозначная правовая категория, которая включает в себя наравне с правами недвижимое и движимое имущество, причем последнее может иметь гораздо более высокую экономическую ценность в сравнении со стоимостью объекта недвижимого имущества. Принимая также во внимание сущность вещных прав, сужение объектов вещных прав до недвижимого имущества в настоящее время в российском законодательстве не просто нецелесообразно, это приведет к негативным последствиям для системы вещных прав в целом.

Говоря об объектах вещных прав, считаем необходимым остановиться на следующей теоретической проблеме. В настоящее время в научной литературе преобладает спорная, на наш взгляд, позиция, что вещные права возникают исключительно в отношении индивидуально-определенной вещи [19; 24; 30].

В части первой ГК РФ законодатель упоминает индивидуально-определенную вещь только в статье 398 ГК РФ в контексте установления последствий неисполнения обязательства передать подобную вещь, при этом в ряде норм об обеспечении обязательств (например, в ст. 357, 368, 381.2 ГК РФ) упоминаются вещи, определяемые родовыми признаками. На этом противопоставлении основана одна из доктринальных классификаций вещей.

Прежде всего считаем необходимым отметить, что в мире не существует двух и уж тем более большего числа абсолютно одинаковых вещей, поскольку все они чем-то отличаются. К примеру, две рубашки одного фасона, одинакового цвета, размера и т. д. однозначно будут иметь какие-то особенности, совершенно не очевидные при первом осмотре: это может быть разная машинная строчка или различное расположение узора и т. д. Однако потребности гражданского оборота и особенности устанавливаемого правового режима предопределили необходимость деления вещей на заменимые и незаме-

нимые¹. Поэтому, будучи различными по своей физической природе, все вещи в правовом поле подразделяются на индивидуально-определенные и определенные родовыми признаками². При описании последних говорят о количестве, массе, весе и иных подобных характеристиках – т. е. родовые вещи определяются как фиксированное количество вещей одного и того же рода. Данное понятие преимущественно используется при описании объектов движимого имущества.

Принято считать, что индивидуально-определенные вещи отличаются конкретными, только им присущими характеристиками. Примечательно, что имеющиеся в научной доктрине определения таких вещей не отличаются разнообразием: все они преимущественно сводятся к указанию на наличие индивидуальных (специфических, особых и т. п.) признаков (характеристик, особенностей), отличающих их от аналогичных вещей³. Подобный подход демонстрирует также судебная практика⁴. В силу прямого указания закона к индивидуально-определенным вещам относится земельный участок⁵. Кроме того, каждый

объект недвижимого имущества имеет не только уникальные характеристики, которые также позволяют его квалифицировать в качестве индивидуально-определенной вещи⁶, но и индивидуализируется по формальным признакам⁷, что имеет существенное значение при государственной регистрации прав на такие объекты, а также их обременений⁸. Учитывая уникальность присущих им характеристик, правовой режим таких вещей предполагает определенные особенности. В частности, индивидуально-определенные вещи признаются юридически незаменимыми. Это означает, что уничтожение индивидуально-определенной вещи означает невозможность ее

¹ Понятия индивидуальной и родовой вещи в римском праве были неразрывно связаны с понятиями заменимой и незаменимой вещи (*res fungibiles et non fungibiles*) [1; 4; 13; 16; 20; 29].

² С. В. Моргунов считает, что: «деление вещей на индивидуально-определенные и родовые есть результат насущной потребности вовлечения в имущественный оборот одинаковых по естественным свойствам вещей. Под естественными свойствами вещей подразумеваются качества вещи, присущие ей от природы, а не возникшие как плоды деятельности человека. Необходимость подобной дифференциации вещей усилилась, когда человек в своей хозяйственной деятельности стал производить материальные объекты, сходные по своим внешним характеристикам и целевому назначению» [17. – С. 57].

³ Иоффе О. С. Советское гражданское право : курс лекций. Общая часть. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1958. – С. 177; Гражданское право : учебник / под ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгало, В. А. Плетнева. – М. : Норма : Инфра-М, 1998. – Часть первая. – С. 151.

⁴ См., например: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17 апреля 2019 г. № Ф01-918/2019 по делу № А79-5617/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ В соответствии с пунктом 3 статьи 6 Земельного кодекса Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.10.2001. – № 44. – Ст. 4147) земельный участок как объект права собственности и иных предусмотренных Земельным кодексом прав на землю является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально-определенной вещи.

⁶ Е. Ф. Евсеев справедливо отмечает: «Индивидуальность объекта недвижимого имущества обуславливается его естественными характеристиками, прежде всего стационарностью, т. е. неизменностью его положения в пространстве, особенности которого наряду с другими непосредственно связанными с ним или производными от него факторами, в свою очередь, обуславливают большую или меньшую привлекательность того или иного конкретного объекта недвижимого имущества для участников гражданского оборота» [12. – С. 46–74]. Р. Саватье также в свое время указывал: «Каждое недвижимое имущество имеет свои преимущества и свои неудобства; они по-разному расположены в отношении путей сообщения, у них различная прочность, они построены из различных материалов, различаются по высоте, ширине, длине. Каждое из них имеет определенное соседство, из него открываются различные виды и т. д. Недвижимое имущество в городе может быть лучше или хуже расположено. Если это поле, то оно может быть более или менее плодородным. На нем могут произрастать различные культуры» [22. – С. 64].

⁷ Каждой недвижимой вещи, которая включается в ЕГРН, присваивается уникальный кадастровый номер, что тоже позволяет отнести ее к индивидуально-определенным вещам (ч. 1 ст. 5 Закона о государственной регистрации недвижимости (Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 20.07.2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4344)).

⁸ В соответствии с пунктом 1 статьи 131 ГК РФ право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в едином государственном реестре органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней. Регистрации подлежат: право собственности, право хозяйственного ведения, право оперативного управления, право пожизненного наследуемого владения, право постоянного пользования, ипотека, сервитуты, а также иные права в случаях, предусмотренных ГК РФ и иными законами.

восстановления в натуре¹. В доктрине была также высказана противоположная позиция: «наличие у объекта индивидуальных признаков является лишь оспоримой презумпцией его уникальности. В то же время она может быть опровергнута, если индивидуальные признаки уничтоженного объекта оцениваются (потерпевшим или оборотом) в качестве иррелевантных для ее использования» [8]. По мнению А. А. Громова, в данном случае происходит смещение акцентов с индивидуализирующих признаков объекта на характеристики обязательства, а также ставится вопрос, как его можно рассматривать – как индивидуальное или как родовое. Свою позицию автор подкрепляет соответствующей судебной практикой².

Отметим, что весьма категорично выглядят научные высказывания о том, что «объектом виндикации во всех без исключения случаях является индивидуально-определенная вещь» [24]. Некоторые ученые при определенных обстоятельствах допускают виндикацию родовой вещи. В частности, А. А. Гусева считает, что виндикационный иск может быть предъявлен в отношении родовых вещей, в том числе в отношении наличных денежных средств и документарных ценных бумаг [9]. Не согласен с такой позицией, например, Д. М. Генкин, по мнению которого допустимость виндикации в отношении родовой вещи означала бы, что «собственник осуществляет не правомочие владения на принадлежащее ему имущество, а приобретает лишь равно-

ценное имущество того же рода». Автор именует такое приобретение компенсацией в натуре ущерба, понесенного собственником, и в основе этого лежит не вещно-правовое, а обязательно-правовое притязание [6].

В решении данного вопроса считаем необходимым учитывать, что в настоящее время не отрицается возможность обособления вещей, определяемых родовыми признаками. Более того, по мнению Арбитражного суда Западно-Сибирского округа, ни отечественная доктрина, ни нормы действующего законодательства «не делят сами вещи на родовые и индивидуально-определенные, то есть не устанавливают правил, при которых одни вещи (автомобили, предметы мебели и пр.) всегда строго индивидуально определены, а другие (зерно, металлоконструкции, наличные денежные средства) обладают исключительно статусом “одного из рода” и не могут быть обособлены»³.

Напротив, как мы уже отмечали, каждая материальная вещь уникальна и при необходимости может быть индивидуализирована⁴. Иными словами, для достижения какой-то юридически значимой цели вещь, определяемая родовыми признаками, индивидуализируется посредством обособления от себе подобных вещей, вследствие чего она обретает черты индивидуально-определенной вещи (к примеру, может быть объектом виндикации), но не трансформируется в последнюю в контексте классификации вещей по принадлежности к родовым и индивидуально-определенным.

Таким образом, считаем методологической ошибкой использовать понятие индивидуально-определенной вещи при конкретизации объекта вещных прав, поскольку данная правовая категория противопоставляется понятию вещи, определяемой родовыми признаками, что является одной из классификаций объектов материального мира (т. е. вещей), а именно – разделением их на определяемые родовыми признаками и индивидуально-определенные. В этой связи для обозначения объекта вещного права

¹ Так, отказывая в требовании восстановить нежилое здание, суд указал, что спорный объект снесен, поэтому для его восстановления необходимо построить новый объект, что не охватывается статьей 1082 ГК РФ (см.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16 июля 2019 г. № Ф07-8084/2019 по делу № А21-8662/2018 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 23 марта 2015 г. № Ф03-567/2015 по делу № А73-5680/2014 // СПС «КонсультантПлюс» и т.д.).

² В приведенном автором в качестве примера судебном деле о предоставлении равноценного нежилого помещения, очевидно, потерпевший был заинтересован в родовых признаках объекта. Аналогичный подход был поддержан в рамках другого дела, в котором суд удовлетворил иск об обязанности ответчика возместить в натуре вред, причиненный сносом кирпичного забора, выездных ворот и помещений склада (см.: Постановление АС Московского округа от 11 декабря 2018 г. по делу № А40-230175/17 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Московского городского суда от 4 августа 2014 г. по делу № 33-30585 // СПС «КонсультантПлюс»).

³ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 4 декабря 2024 г. № Ф04-5388/2024 по делу № А70-20024/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Так, некоторые «родовые вещи приобретают индивидуальность благодаря тому, что размещаются в визуально-распознаваемых вещах (зерно в мешках, вино в бочках и т.д.)» [7. – С. 139].

предлагаем использовать единый для индивидуально-определенных вещей и вещей, определяемых родовыми признаками, термин «индивидуализированная вещь», под которым считаем возможным понимать вещь, наделенную индивидуальными признаками в силу закона (для индивидуально-определенных вещей) или физически обособленную от иных родовых вещей, что обеспечивает потенциальную возможность совершения субъектом права в отношении такой вещи юридически значимых действий.

Может ли быть объектом вещных прав неиндивидуализированная вещь? На наш взгляд, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Гражданско-правовой смысл понятия «вещь» заключается в определении гражданско-правового режима вещи как объекта прав, что никак не совпадает с пониманием этого объекта как части объективного мира, т. е. с точки зрения принадлежности к материи. Сложность рассматриваемого вопроса о том, что такое объект вещного права, подтверждается также доктринальной дискуссией в отношении природы прав на такие объекты, как газ, микроорганизмы, энергия и т. д., которые с учетом сложности их визуализации сложно отнести к категории вещей в обыденном (физическом) их понимании.

Например, с усложнением научно-технического прогресса особая сложность возникла с характеристикой индивидуализации микроорганизмов, поскольку, во-первых, если таковые находятся в жидкой или твердой питательной среде, происходит их неконтролируемое размножение, и поэтому практикой было признано, что контроль их численности субъектом права, как и их обособление, возможны лишь при их консервации (лиофилизации) или помещении в закрытое пространство (контейнер, пробирку), что одновременно считается условием рассмотрения микроорганизмов как объектов оборота [32. – Р. 792].

На такие объекты распространяется режим вещей, что обусловлено невозможностью их исключения из гражданского оборота, в том числе из числа сделок по отчуждению и приобретению. Вне индивидуализации такой объект, безусловно, не прекращает своего существования в физическом плане, однако с позиции гражданского права

именовать его вещью не представляется возможным¹.

Лишено также целесообразности рассмотрение вещи (как объекта вещных прав) в широком (объективном) понимании. Абстрактное понимание вещи, ее отождествление с объектом права в принципе бессмысленно. Мы не поддерживаем предложения о пересмотре понятия вещи и концепции вещного права в принципе², в том числе за счет распространения режима вещных прав в отношении цифровых объектов. Гражданско-правовой режим должен быть адаптирован под определенный вид объектов с тем, чтобы применять в их отношении идентичные правила, а это невозможно реализовать, поскольку содержание прав на объекты материального мира и бестелесные объекты не совпадает хотя бы в силу специфики их физического существования. В силу этого

¹ Примечательно, что признак обособления является одним из ключевых для понимания вещи в правовом значении в зарубежных правовых системах романо-германской группы. В частности, норма § 90 Гражданского уложения Германии (Гражданское уложение Германии" (ГУ) от 18.08.1896 (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013) // СПС «КонсультантПлюс») определяет вещи только как предметы материального мира, а в комментариях указывается, что общественные блага (бесплатный воздух и вода в открытых водоемах) не являются вещами, которые могут быть жидкими, твердыми и газообразными. Подземные воды, в том числе грунтовые, не признаются по германскому праву в отличие от австрийского вещами в силу невозможности их обособления (безграничности) (см.: [33. Р. 63]). Как отмечается в зарубежной доктрине, «качественно вещь определяется как ограниченный в пространстве и самодостаточный природный объект», что исключает наличие свойств вещи у газообразных и жидких тел, а "воздух над земельным участком не является вещью, поскольку не существует отдельно от атмосферы», то же относится к воде в морях и реках, но не к пруду, который является движимой вещью, а, например, газ или жидкость могут стать вещами, только если будут помещены в «емкость любого рода» (см.: [34. S. 21]).

² В условиях реформы российского гражданского законодательства порядка 10 лет назад звучали такие предложения о пересмотре концепции вещного права: «самой идеей вещного права мы преодолеваем зависимость от материальных вещей. А это и есть овладение миром, свобода», чему «мешает идеологизация вещного права», преодолению которой будет способствовать отказ от понимания вещи как материального предмета; «просто на понятие "вещь" и "вещное право" надо смотреть шире», законодательное ограничение круга вещей предметами материального мира «ломает саму идею вещного права» и т. д. (см.: Самой идеей вещного права мы преодолеваем зависимость от материальных вещей [Интервью с Д. В. Дождевым] // Закон. 2016. № 6. С. 6-9).

возникает уверенность в том, что цифровое законодательство должно развиваться по собственному пути, отличному от принципов функционирования вещного права. Учитывая изложенное, делаем следующий вывод: объектом вещных прав является индивидуализированная вещь, понимаемая нами в классическом представлении – как предмет материального мира.

Вещные права отличают еще два признака, которые в научной литературе практически не подвергаются сомнениям.

Во-первых, современная правовая доктрина исходит из единого мнения об абсолютности вещных прав. По словам Е. А. Суханова, «в отечественной литературе абсолютность вещных прав иногда подвергается сомнению со ссылкой на условность самого деления субъективных гражданских прав на абсолютные и относительные» [24]. Легальная дефиниция признака абсолютности отсутствует, в связи с чем его определение анализируется только на доктринальном уровне (породив дискуссию об абсолютности иных имущественных прав). С учетом проанализированных позиций можно сделать вывод, что признак абсолютности вещных прав преимущественно понимается авторами, с одной стороны, через отношение субъекта вещного права к вещи, а с другой – через обязательство для всех третьих лиц воздерживаться от каких-либо действий в отношении этой вещи или совершать определенные действия, чтобы не нарушить право субъекта [2]. По словам О. А. Хатунцева, «абсолютность прав подразумевает, что никто не может нарушать права собственника имущественных благ» [28], однако, на наш взгляд, такая формулировка не совсем удачная, поскольку в принципе никто не может и не должен нарушать права третьих лиц, так что данный постулат применим в отношении всех без исключения субъективных прав не только гражданско-правового характера.

Во-вторых, в отличие от обязательственных прав субъект вещного права удовлетворяет интерес в отношении вещи посредством совершения собственных действий – т. е. реализация субъектив-

ного вещного права не предполагает участия других лиц. В этой связи в доктрине принято говорить о наделении субъекта вещных отношений правомочиями, по содержанию и объему близкими к статусу собственника. Такая формулировка не может являться отличительной характеристикой всех элементов системы вещных прав и скорее характерна для категории иных вещных прав, чье содержание максимально приближено к правомочиям собственника вещи.

Довольно часто в числе признаков вещных прав авторы называют особый порядок их защиты. По нашему мнению, вещные способы защиты, являющиеся элементом правового режима, не могут являться квалифицирующим признаком вещных прав.

На основе проведенного исследования признаков вещных прав мы можем сформулировать следующее теоретическое определение и сопутствующие ему выводы.

Вещное право представляет собой наиболее полное субъективное право, обременяющее индивидуализированную вещь в пределах, установленных в законе. Отличительными признаками вещных прав, позволяющими их отграничить от иных (в том числе обязательственных) прав являются следующие: юридическая прочность и сопутствующее этому признаку свойство следования, абсолютность, бессрочность (которую следует отличать от неопределенного срока в обязательственных отношениях).

Перечисленные признаки не раскрывают природу вещных прав, они достаточны лишь для отграничения вещных прав от иных имущественных прав. Причем в отрыве друг от друга названные признаки утрачивают свои отличительные качества (поскольку свойственны также иным имущественным правам) и квалифицируют право в качестве вещного только в их совокупности (единстве).

Учитывая собирательное значение понятия вещных прав (которое объединяет право собственности и иные вещные права), сформулированные нами признаки должны уточняться с учетом особенностей каждого случая квалификации вещи как объекта иного вещного права.

Список литературы

1. *Азаревич Д. И.* Из лекций по римскому праву. – Вып. I. – Одесса, 1885.
2. *Алексеев В. А.* Нужны ли вещному праву вещные права? // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2020. – № 2. – С. 31–42.

3. *Ананьев А. Г.* Абсолютность как свойство вещных прав // *Право и политика: теоретические и практические проблемы : сборник материалов 2-й Международной научно-практической конференции.* – Рязань, 2013. – С. 249–255.
4. *Барон Ю.* Система римского гражданского права / пер. с нем. Л. Петражицкого. – М., 1898.
5. *Гамбаров Ю. С.* Вещное право. – СПб., 1913.
6. *Генкин Д. М.* Право собственности в СССР. – М. : Госюриздат, 1961.
7. *Германов А. В.* О понятии вещи в гражданском праве // *Закон.* – 2010. – № 4. – С. 135–142.
8. *Громов А. А.* Комментарий к ст. 1082 ГК РФ в части требования о возмещении вреда в натуре // *Вестник гражданского права.* – 2022. – № 6. – С. 149–196.
9. *Гусева А. А.* Объект виндикации: проблемы правоприменения // *Актуальные проблемы российского права.* – 2021. – № 4. – С. 76–93.
10. *Демидова Г. С.* Вещные права в Гражданском кодексе Российской Федерации // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2024. – № 10. – С. 42–48.
11. *Диденко А. Г.* Проблемы современной цивилистики : сборник статей, посвященных памяти профессора С. М. Корнеева / отв. ред. Е. А. Суханов, М. В. Телюкина. – М. : Статут, 2013.
12. *Евсеев Е. Ф.* Индивидуальные и родовые вещи // *Адвокат.* – 2011. – № 9. – С. 46–74.
13. *Зом Р.* Институции. История и система римского гражданского права / пер. с нем. ; под ред. А. Н. Беликова. – Вып. I. Общая часть и вещное право. – Сергиев Посад, 1916.
14. *Крушевская М. В.* Синергетический подход к определению сущности гражданского оборота // *Юрист.* – 2020. – № 2. – С. 34–38.
15. *Леонова А. А.* Эластичность как характеристика права собственности // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* – 2022. – № 12. – С. 54–83.
16. *Мирович А.* Система римского права. – Т. 1. Общая часть. – М., 1909.
17. *Моргунов С. В.* Виндикация в гражданском праве. Теория. Проблемы. Практика. – М. : Статут, 2006.
18. *Потапенко С. В., Соловьев В. Н., Потапенко Н. С. и др.* Гражданско-правовые способы защиты права собственности на недвижимость. – М. : Юрайт, 2020.
19. *Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В. Н. Литовкин, Е. А. Суханов, В. В. Чубаров.* – М. : Статут, 2008.
20. *Пухта Г. Ф.* Курс римского права. – Т. 1. – М., 1874.
21. *Рыбалов А. О.* Ограниченные вещные права: проблемы определения // *Закон.* – 2007. – № 2. – С. 115–124.
22. *Саватье Р.* Теория обязательств: юридический и экономический очерк. – М. : Прогресс, 1972.
23. *Скловский К. И.* Собственность в гражданском праве. – М. : Статут, 2010.
24. *Суханов Е. А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. – М. : Статут, 2017.
25. *Суханов Е. А.* О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве // *Журнал российского права.* – 2006. – № 12 (120). – С. 42–50.
26. *Третьяков С. В.* Субъективное право как «последняя абстракция» цивилистики: генезис и структурные компоненты классической волевой теории // *Вестник гражданского права.* – 2020. – № 2. – Т. 20. – С. 18–59.
27. *Формакидов Д. А.* Вещное право проживания. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2006.
28. *Хатунцев О. А.* Имущественные блага как объект абсолютных имущественных прав // *Современное право.* – 2024. – № 5. – С. 55–59.
29. *Чиларж К. Ф.* Учебник институций римского права / под ред. В. А. Юшкевича. – М, 1906.
30. *Шереметьева Н. В.* Недобросовестность в вещном праве. – М. : Проспект, 2023.
31. *Яковлев В. Ф.* Избранные труды. – Т. 2. Гражданское право: история и современность. Кн. 1. – М. : Статут, 2012.
32. *Basler Kommentar, Zivilgesetzbuch / Herausg. H. Honsell, N. P. Vogt, T. Geiser.* – Basel, 2011.
33. *Palandt O. Bürgerliches Gesetzbuch / Bearbeitet P. von Bassenge, U. Diederichsen, H. Heinrichs etc.* – München, 2008.
34. *Wieling H.J.* Sachenrecht. – Heidelberg, 2007.